

Биджелова Берта Альбертовна

ИНВЕРСИЯ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. В. ГЕТЕ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ И ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫКИ)

Статья посвящена рассмотрению инверсии в аспекте художественного перевода. На примере изучения свободных ритмов И. В. Гете и их переводов на русский и осетинский языки приводятся данные статистического анализа частотности употребления инверсий в оригинальных и переводных текстах. В работе делается вывод о стремлении переводчиков посредством сохранения в переводе количества и "качества" инверсий передать на язык перевода особенности ритмики и метрики оригинального стиха.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Башкуров Р. Маджит Гафури // История татарской советской литературы / Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1965. С. 171-191.
2. Блок А. А. Двенадцать: поэма. М.: Современник, 1977. 77 с.
3. Гафури М. Людоеды // Литературное наследие: альманах. Казань: Таткнигоиздат, 1991. С. 52-72.
4. Ибрагимова Ф. Рукописи М. Гафури в архиве ИЯЛИ имени Г. Ибрагимова // Маджит Гафури: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Казань: ИЯЛИ, 1981. С. 124-132.
5. Рамазанов Г. З. Мажит Гафури: очерк жизни и творчества. М.: Сов. Россия, 1980. 160 с.
6. Халит Г. Творчество Мазита Гафури: критические очерки. Казань: Татгосиздат, 1941. 213 с.
7. Халитов Г. М. Певец жизни и свободы: очерк о жизни и творчестве М. Гафури. Казань: Таткнигоиздат, 1980. 183 с.

**ПОЕМ “KESHE ASHAUCHYLAR” (“CANNIBALS”) BY MAJIT GAFURI
IN THE CONTEXT OF THE DOMESTIC LITERATURE ABOUT HUNGER OF THE 1920S**

Akhmetova Milyausha Ansarovna

*Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of Tatarstan Academy of Sciences
miljausha-akhmetova@rambler.ru*

The article is devoted to the comparative analysis of the poems “Cannibals” by M. Gafuri and “The Twelve” by A. Blok. The author states that the Tatar poet follows the great predecessor; however, continuing and developing Blok’s thought, he firstly demonstrates that the revolution brought hunger and devastation to the people of the country, and secondly, he does not romanticize the October revolution. The “village” represented in M. Gafuri’s poem personifies the starving country, the people, distraught with hunger. The key topic of hunger in the poem reaches global, apocalyptic scale.

Key words and phrases: hunger of 1921 in Volga region; poem “Cannibals” by M. Gafuri; poem “The Twelve” by A. Blok; novel “People” by G. Ibragimov; image of “terrible world”.

УДК 82-1:811.112.2

Статья посвящена рассмотрению инверсии в аспекте художественного перевода. На примере изучения свободных ритмов И. В. Гете и их переводов на русский и осетинский языки приводятся данные статистического анализа частотности употребления инверсий в оригинальных и переводных текстах. В работе делается вывод о стремлении переводчиков посредством сохранения в переводе количества и «качества» инверсий передать на язык перевода особенности ритмики и метрики оригинального стиха.

Ключевые слова и фразы: художественный перевод; инверсия; поэтический текст; свободные ритмы; ритмико-мелодическое оформление; статистический анализ.

Биджелова Берга Альбертовна

*Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
bertabidzhelova@mail.ru*

**ИНВЕРСИЯ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. В. ГЕТЕ
И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ И ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫКИ)**

Ученые-лингвисты традиционно относят перевод к наиболее сложным и многосторонним явлениям, особо выделяя перевод поэтических произведений, являющийся, как известно, настоящим искусством, поскольку именно поэтический язык изобилует информацией, при переводе которой важно передать «не смысл, а эстетический эффект, достигаемый соответствующими языковыми средствами, в том числе ритмикой, рифмой, аллитерацией» [7, с. 179].

Трудность перевода поэтических произведений является следствием определенного специфического вербального устройства стиха. С. Ф. Гончаренко подчеркивал, что три составляющие стиха – метроритмическая, фоническая, словесно-образная – обеспечивают его специфику, сплочение в нем лексического материала и связь компонентов на разных уровнях и плоскостях коммуникации – «горизонтальной», «вертикальной» и «глубинной» [2, с. 107]. Художник слова вправе использовать все самое ценное, что есть в языке, выжимая из него, по выражению М. Бахтина, «все соки». Необходимо заметить, что информация, которую несет в себе слово в поэтическом языке, не только не отождествляется с семантической «заряженностью» соответствующего омонима из общего языка, но часто противоположна ей [Там же].

Говоря о данной особенности языка поэтических произведений, В. В. Иванов ссылается на О. Мандельштама, который приписывал характеру языка поэзии «скрещенность» [5, с. 100], проявляющуюся как в насыщенности содержания на лексическом уровне, так и в исключительной синтаксической концентрированности. Синтаксическое разнообразие поэтического текста, его выразительность и эмоциональность обеспечиваются использованием фигур синтаксиса, к которым относится и **инверсия**, рассматриваемая в настоящей статье.

Данная фигура поэтического синтаксиса является одной из наиболее популярных и представляет собой, как известно, нарушение грамматически правильного или нормального порядка слов, их нехарактерное, непривычное расположение в предложении. В поэтических текстах инверсии не только способствуют созданию характерного стихотворному ритму словопорядка, но и придают интонации произведения возвышенное звучание, вследствие чего данные фигуры «разной степени необычности и экспрессивности» довольно часто используются в стихотворных текстах, характеризующихся именно «своеобразным словорасположением и интонацией» [3, с. 294].

Задача настоящей статьи состоит в изучении инверсии в аспекте художественного перевода, то есть нами осуществляется попытка выявить, сохраняются ли структурно-семантические характеристики данного средства создания экспрессивности синтаксиса при передаче текста с немецкого на русский и осетинский языки.

Материалом для исследования послужили стихотворные произведения И. В. Гете, написанные свободными ритмами, и, соответственно, их переводы на русский и осетинский языки. Выбор материала исследования объясняется значимостью роли великого немецкого поэта в формировании и развитии свободных ритмов в Германии. А решение рассматривать инверсию конкретно на фоне свободных ритмов обусловлено тем, что они, совмещая в себе все богатство прозы, но оставаясь при этом стихотворной формой, представляют собой благодатную почву для употребления инверсий, так как недостаток «метра и рифмы в немецких свободных ритмах компенсируется средствами синтаксическими: именно они призваны поддержать целостность стиха» [4, с. 58], создать в нем определенную стиховую мелодию.

В ходе предпринятого в рамках исследования количественного анализа частотности использования инверсий в оригинальных и переводных текстах свободноритмической поэзии И. В. Гете выявлена довольно высокая степень употребления данного синтаксического приема в произведениях рассматриваемого автора. Результаты анализа, представленные в Таблице 1, свидетельствуют о том, что на 319 строк оригинального текста приходится 43 инверсии, то есть на каждые 7 строк зафиксирован 1 случай употребления инвертированного порядка слов.

Таблица 1.

Употребление инвертированного порядка слов

Автор	Всего стихотворных строк	Количество инверсий	Коэффициент частотности (инверсии / строки)
J. W. Goethe (оригинал)	319	43	1/7
И. В. Гете (перев. на рус. яз.)	319	63	1/5
И. В. Гете (перев. на осетин. яз.)	108	22	1/5

Необходимо отметить тот факт, что данное соотношение близко по значению соответствующему показателю в текстах перевода: 1 стиховой перенос на 5 строк – и в русском тексте, и в осетинском переводе, а общее количество инверсий в текстах перевода незначительно превышает их число в оригинальном тексте, что можно было бы объяснить большей предрасположенностью русского и осетинского языков ко всякого рода перестановкам и изменениям обычного порядка слов в предложении, не так строго регламентированного, в отличие от грамматического строя предложения в немецком языке.

Структурный анализ случаев употребления инвертированного порядка слов выявил 9 типов инверсий, самым популярным из которых у И. В. Гете оказалось такое изменение порядка слов, в результате которого на первом месте в предложении оказывается акцентированное обстоятельство места или обстоятельство времени, как это представлено в следующем примере (1) из стихотворения И. В. Гете «Prometheus» («Прометей», 1774):

(1) «**Hier sitz' ich**, forme Menschen
Nach meinem Bilde <...>» [8, S. 61]. /

«**Здесь я людей вяю**,
И в них мой образ <...>» [1, с. 94]. /

«**Ам бадын æз**, адæмы фæлдисын
Мæхимæ гæсгæ <...>» (авторский перевод А. Б. Гусовой).

Как видим, акцентированное обстоятельство места *hier*, выходящее на первый план в немецком тексте для концентрации на нем внимания читателя, выделения его за счет непривычного местоположения в предложении, сохраняет идентичное оригиналу место и в переводах. В осетинском варианте текста совершенно точно воспроизведены исходный синтаксический прием и оказываемый им эффект, так как осетинскому эквиваленту используемого в оригинальном тексте обстоятельства места *ам* также не свойственно занимать начальную позицию в предложении. В переводе же на русский язык автор-переводчик Д. Недович передал основной акцент на обстоятельстве места *здесь*, определив ему эквивалентное оригиналу место в предложении, но не посчитал обязательным сохранить оригинальный порядок слов и далее в строке, что, однако, не нарушило целостной картины восприятия инверсии и не исказило воспроизводимый ею эффект и первоначальную расстановку акцента.

Одной из наиболее выразительных и красочных является также достаточно часто встречаемая в исследуемых произведениях разновидность инверсии в рамках атрибутивного словосочетания с определением, выраженным

существительным в родительном падеже, в препозиции, как в отрывке (2) из стихотворения И. В. Гете «Wanderers Sturmlied» («Песнь странника в бурю», 1827):

(2) «<...> In **des Haines Mitternacht**» [8, S. 53]. /

«<...> В **срок полуночный** в бору» [1, с. 82]. /

«<...> инганау **æмбисæхсæв талынг**» (авторский перевод А. Б. Гусовой).

При переводе приведенного отрывка (2) на русский язык автор-переводчик Н. Вильмонт определение, выраженное существительным в родительном падеже, *Haines* передал предложным обстоятельством места *в бору* в традиционном для него местоположении в высказывании, однако восполнения небольшой переводческой потери, то есть недостающего эффекта непривычности и выразительности в тексте перевода, он добился благодаря трансформации местоположений составных частей в атрибутивном словосочетании *срок полуночный*, поменяв местами главное слово, оказавшееся на первом месте в словосочетании, с определяемым, занявшим второе, нетрадиционное для него место. Подобная переводческая трансформация наблюдается и в переводе рассматриваемого примера (2) на осетинский язык, где автор-переводчик А. Б. Гусова особый эффект выразительности в оригинальном тексте посчитала невозможным передать идентичными средствами (положением определения, выраженное существительным в родительном падеже, в препозиции в атрибутивном словосочетании) принимающего языка, учитывая его особенности, но передала выразительный эффект и особый ритм исходного текста атрибутивным словосочетанием с необычным для осетинского языка расположением в нем главного *æмбисæхсæв* и зависимого слова *талынг*.

Анализ результатов проведенного нами исследования свидетельствует о стремлении переводчиков употреблять в переводах на другие языки аналогичные виды инверсий, сохраняя тем самым в переводе количество и качество используемой в оригинале фигуры поэтического синтаксиса.

Данная закономерность объясняется, по нашему мнению, стремлением переводчика максимально сохранить не только языковые особенности оригинального текста при переводе на другие языки, но и передать за счет этого специфику ритмико-мелодического оформления переводимого стихотворения, так как, исходя из мнения О. А. Костровой, главной функцией того или иного расположения слов в стилистике является «ритмическая организация предложения-высказывания» [6, с. 65]. В нашем случае, как явствует из примеров, переводчики стремятся отразить приподнято-торжественный ритм стихотворений И. В. Гете, характерный для всей ранней свободноритмической поэзии.

Таким образом, примерно равное количество и качество инверсий в оригинальном немецком и переводных русском и осетинском текстах, то есть воспроизведение в текстах переводов исходного варианта инвертированного порядка слов с сохранением его композиционной формы и семантического наполнения акцентируемых слов, логически выделяемых посредством инверсий, показывает стремление переводчиков передать на язык перевода специфику ритмики и метрики оригинального произведения с целью воссоздания его первоначальной мелодии и воспроизведения идентичного первоисточнику ритма.

Список источников

1. Гете И. В. Избранные сочинения: в 3-х т. / пер. с нем.; вступ. ст. Н. Вильмонта; коммент. М. Анкиста, Б. Акимова. М.: Литература; Мир книги, 2005. Т. 1. Лирика; Западно-восточный диван: Стихотворения. 480 с.
2. Гончаренко С. Ф. Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод // Поэтика перевода: сборник / сост. С. Ф. Гончаренко. М., 1988. С. 100-111.
3. Дреева Дж. М. Поэтическая картина мира и феномен свободных ритмов в немецкоязычной поэзии XVIII-XXI вв.: генезис, становление, языковые особенности: дисс. ... д. филол. н. М., 2012. 379 с.
4. Дреева Дж. М. Синтаксический параллелизм в немецких свободных ритмах XIX-XX веков (к вопросу об изосинтаксизме верлибра) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. СПб., 2012. Вып. 4. С. 51-59.
5. Иванов Вяч. Вс. Наука о человеке: Введение в современную антропологию: курс лекций. М.: РГГУ, 2004. 195 с.
6. Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка: учебное пособие. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. 240 с.
7. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 208 с.
8. Goethe J. W. Gedichte. М.: Progress, 1980. 502 S.

INVERSION IN THE CONTEXT OF LITERARY TRANSLATION (BY THE MATERIAL OF THE POETIC WORKS OF J. W. VON GOETHE AND THEIR TRANSLATIONS INTO THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES)

Bidzhelova Berta Al'bertovna

*North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz
bertabidzhelova@mail.ru*

The article is devoted to the consideration of inversion in the aspect of literary translation. By the example of the study of free rhythms of J. W. von Goethe and their translations into the Russian and Ossetian languages the author provides the statistical analysis data of the frequency of the use of inversions in the original and translated texts. It is concluded that translators tend to show the peculiarities of rhythm and metrics of the original verse in the language of translation by means of preserving the quantity and "quality" of inversions in the translation.

Key words and phrases: literary translation; inversion; poetic text; free rhythms; rhythmic-melodic arrangement; statistical analysis.